

Альга Батлер

ПОСЛЕДНИЙ КОТ В САПОГАХ

Ольга Батлер

Последний Кот в сапогах

«Войс Групп Медиа »

2022

УДК 087.5
ББК 64(2Рос=Рус)6

Батлер О. В.

Последний Кот в сапогах / О. В. Батлер — «Войс Групп Медиа »,
2022

ISBN 978-5-907520-45-5

Художественная повесть-воспоминание бабушки, пережившей блокаду в детстве: Когда Таня подобрала на улице беспомощного рыжего котёнка, она и подумать не могла, что держит на руках своего будущего защитника. Через год началась война. Враг окружил Ленинград блокадным кольцом, отрезав пути для доставки в город топлива и продуктов. В многолюдной прежде коммуналке остались только Таня с мамой. И Рыжик... Неужели он последний кот на Васильевском острове? Вместе с ним Тане придется пережить холод пустеющей квартиры и мучительный голод, сковывающий страх от гула немецких бомбардировщиков и тихую ненависть к захватчикам, щемящее чувство невозможных потерь. Все это страшное время отважный кот будет для Тани верным другом и помощником. Спустя годы, бережно оживляя в памяти картины пережитого, она расскажет своему внуку эту историю необыкновенной спасительной дружбы в блокадном Ленинграде. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 087.5
ББК 64(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907520-45-5

© Батлер О. В., 2022
© Войс Групп Медиа , 2022

Содержание

Спроси меня про Ленинград	6
Муркин сын	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Батлер
Последний Кот в сапогах. Повесть о
дружбе и спасении в блокадном городе

Иллюстрации Кати Милославской

© Ольга Батлер, 2022

© Катя Милославская, иллюстратор, 2022

Спроси меня про Ленинград

За столиком на Малой Садовой, у самого окна, ела булочки, пила кофе и шумно радовалась жизни компания молодых людей. Юноши и девушки обсуждали, куда бы им направиться после кафе и что еще интересного можно посмотреть в Петербурге. Они говорили о нем как о малознакомом городе.

Неожиданно их внимание привлекла сценка за окном. Там несколько человек, соревнуясь в меткости, по очереди подкидывали деньги к небольшой скульптуре на углу дома.

– Опс! Еще один промахнулся!

– Это кот что ли там сидит? Ему бросают?

– Конечно. Разве не видишь? В натуральную величину...

Чугунный кот степенно восседал на подставочке над головами прохожих. Щурясь, он сквозь серенькую холодную морось следил за людьми и их взлетающими монетками.

Скульптура была неброская, так что не каждый обратил бы на нее внимание. Это других петербургских существ – драконов, водных коней и всяких там горгулий, которые не таясь красуются на фасадах и решетках города, – взгляд не пропустит. А кошки, даже если они сделаны из чугуна, предпочитают оставаться незамеченными.

– Я слышала про этого кота, – сказала одна из девушек за столиком. – Загадываешь желание и бросаешь монетку. Если обратно не упадет, то все сбудется. Сейчас еще найду про него.

Она сосредоточилась на мобильнике, а ее друзья стали говорить о разных желаниях. Они вдруг вспомнили одного своего преподавателя, который мучил их в последнюю сессию. Хоть бы он немного подобрел... или уволился. Вот о чем надо попросить котика, со смехом решили студенты. Коллективное желание – это сила.

– Слушайте. Кота зовут Елисеем, – наконец объявила девушка. – Напротив него есть еще одна скульптура, кошка Василиса...

– Ну надо же! Мы два раза мимо проходили и ничего не заметили, – перебил ее бородатый парень с модным пучком на макушке.

– Ходить-то ходили, но только под ноги себе смотрели... А в Питере надо голову почаще поднимать. Все главное как раз наверху находится.

– Да тут смотри, не смотри... Уж очень эти фигурки незаметные.

– Так кошки же!

– А что-то еще про них написано?

– Написано, только вы мне договорить не даете, – то ли пошутила, то ли вправду обиделась девушка. – Ладно, все сначала... Это, типа, памятник кошкам, которые в годы войны спасли Ленинград от крыс. Котеек специально завезли из других городов.

– Своих не было, что ли?

– Свои все погибли во время блокады, – авторитетно заявил бородатый парень. Холеная густая борода странно смотрелась на его почти детском лице. – Общеизвестный факт. Ни одного кошака не осталось.

– Нет, не все погибли. Один ленинградский кот точно пережил Блокаду, – раздался женский голос.

Слова прозвучали совсем рядом. Студенты повернулись к соседнему столику. За ним сидели бабуля с внуком. Бабушка была обыкновенной аккуратной старушкой, таких много в Петербурге. В ее словах прозвучала обида за того выжившего кота, и молодые люди поняли: старушка знает, о чем говорит – она сама находилась там в то время.

– Извините, я не хотела вмешиваться в ваш разговор, – спохватилась пожилая женщина. В ухе у нее пластмассовой улиткой торчал слуховой аппарат.

– Ну что вы! – искренне заверили ее студенты, им очень захотелось услышать историю из первых уст. – А какое имя у того блокадного кота было? Не Елисей случайно?

Как многие туристы в Петербурге, они уже почувствовали, что внутри большого города находится еще один: тайный, оберегающий от чужих не только свои дворики, маленькие сады, каналы с темной водой, но и свое прошлое. И вот удача улыбнулась им. Этот недостижимый Питер не просто заметил их, он заговорил с ними голосом своего старожилы. Им бы затихнуть да послушать, но они раньше времени выхватили подарок, стали бесцеремонно заглядывать внутрь. Они не собирались никого обижать, просто у них было очень хорошее настроение.

– А можно мы сами догадаемся? – не унимались молодые люди. – Барсиком тот кот был скорее всего. Или... Васькой?

– Нет, я лучше знаю. Мурзиком его звали! – подхватил игру бородатый парень. Вежливую улыбку старушки он расценил как одобрение. – Я угадал?

Пожилая женщина не пришла ему на помощь. Вместо ответа она сказала своему внуку, что пора собираться домой. И сняла свой бежевый плащик со спинки стула. Может, не слышала? Нет, ее слуховой аппарат работал исправно: она только что разговаривала с официантом, расплачиваясь за кофе.

Всем наконец стало понятно, что бабуля с характером, она не намерена развлекать незнакомую молодежь воспоминаниями про блокадного кота. Слишком уважает память о нем. И вообще эта история не из тех, что рассказывают на ходу. Но, направляясь к двери, старая женщина все же остановилась перед столиком студентов:

– Его звали Рыжиком. Иногда просто Рыжим.

Тут пластмассовая улитка в ее ухе издала слабенький, но очень въедливый писк. Господи, как только она терпит эту назойливую штуковину в своем ухе?

– Мы все собирались придумать другое имя, но так и не придумали, – словно извиняясь, сообщила старушка притихшей компании.

Бабушка и внук вышли на улицу. Полюбовавшись Василисой, которая кокетливо замерла на карнизе второго этажа, они подошли к Елисею.

– Я хочу монету к нему закинуть, – сказал мальчик.

– Сейчас, Петенька.

Старая женщина торопливо раскрыла свою сумку, чтобы найти деньги, но мальчик остановил ее. У него у самого в кошельке было полно мелочи и кое-что покрупнее имелось: родители снабдили перед поездкой.

Зажав в кулаке новенькую двухрублевую монету, Петя сосредоточенно примерился, размахнулся...

– Эх!

Сверкающая денежка упала на землю, не долетев до Елисея.

– Ты поближе встань, вот так подкинь, – с неожиданным азартом подсказала внуку бабушка.

После третьей попытки монета осталась у кота.

– Получилось! – засмеялся мальчик.

– А желание-то загадал?

– Забыл! – Петька, совсем не огорчившись, весело развел руками. – Да это и неважно!

Он просто был рад тому, что не промахнулся.

Бабушка и внук медленно зашагали по улице. С неба летели редкие снежинки, они щеко-тали лицо и сразу таяли на губах.

– Баб Тань, а вы ведь про своего кота им сказали, – вдруг произнес мальчик.

Но бабушка как будто не слышала его.

– А что мы завтра делаем? – погромче спросил он.

– Поедем в Петропавловскую крепость. Хочу показать тебе монетный двор, Петенька. Там твой прапрадед работал.

Пока они шли, ветер усилился, снежинки стали впиваться в лицо. Они больше не казались ласковыми.

– А еще что-нибудь там есть? – без особого энтузиазма поинтересовался внук, натягивая капюшон. Ему было зябко в Петербурге.

– Музей космонавтики. В него тоже ходим.

– Это уже получше! – оживился он, а она в который раз с любовью подметила, что Петя улыбается так же, как все в их роду – до гусиных лапок возле глаз. Ее единственный, любимый мальчик...

Баба Таня давно поняла, что петербургская история семьи, возможно, закончится на ней, одинокой старухе. И сейчас она просто утешалась мыслью о том, что успеет поводить внука по самым важным местам, из рук в руки передать ему этот город.

Она не просила судьбу о многом. Всего лишь хотела, чтобы внук заметил простор реки, особенное серебро облаков и парад прижатых друг к другу домов и не жаловался бы больше на порывы влажного ветра, который наполняет легкие густым морским воздухом. Ну, а потом... Что потом ее мальчик будет с этим делать, куда поместит этот город в своей памяти, зависело только от Пети.

Отворачивая лица от роя колючих снежинок, они вышли на угол Невского и остановились перед витриной Елисеевского гастронома полюбоваться порхающими в ней механическими ангелочками.

– Давайте зайдём. Ни разу не бывал здесь, – попросил мальчик.

Он обращался к своей петербургской бабушке на «вы». Это «вы» каждый раз медленной болью оседало в ее сердце, отмеряя дистанцию между двумя столицами и напоминая, что не она, а другая, московская бабушка, вынянчила этого мальчика.

– У себя в Москве ты не ходил в Елисеевский?

– Ходил пару раз с отцом. Вот хочу сравнить.

В магазине они сразу направились в кондитерский отдел.

– Ну, выбирай, – весело предложила баба Таня. – Вечером чаю попьем!

Петька прилип к витрине, переводя внимательны взгляд от одной сладости к другой. От похожего на цветы печенья к разноцветным кубикам мармелада. От них – к нежным белым облачкам безе. К конфетам в больших стеклянных вазах. К пирожным в форме экзотических плодов. И к придуманным для особых случаев тортам с напудренными невесомой сахарной пылью боками, с шоколадными буквами или цифрами, с нарядными фигурками из марципана.

Баба Таня, глядя на это изобилие, почему-то вспомнила о небольшом складе провизии, который всегда имелся у нее дома. Это был запас на всякий случай. Греча, песок, сгущенка, рис, мука, макароны. Проверяя его, она каждый раз невольно прикидывала, сколько недель можно продержаться с таким набором.

Все в нем было самое простое, потому что человеку не нужны необыкновенные сладости и другие изыски. Очень голодные люди мечтают о гороховом супе, каше с маслом, пирогах, котлетах. Это грустное знание всегда было с бабой Таней, от него не спрячешься. Но она не собиралась расстраивать воспоминаниями ни себя, ни тем более Петеньку, который приехал всего на несколько дней.

* * *

– А мы вправду сейчас на острове?

Развалившись на стуле после чаепития, Петька снова взял в руки смартфон.

– Ну да. В очень старое время здесь даже постоянного моста не было, чтобы на Адмиралтейский перебраться, – начала с воодушевлением рассказывать Татьяна Петровна. – Царь хотел каналы сделать, как в Амстердаме. Их уже распланировали, но так и не построили, а улицы на этом месте остались, их линиями называют.

А еще в наш порт корабли со всего мира приплывали. У нас на Васильевском историей каждый уголок наполнен.

– И Вы всегда в этом доме жили?

Петя обвел взглядом бабушкину комнату: старый резной буфет, пианино с двумя знакомыми царапинами, похожими на «Л». Громоздкий темный шкаф, расписанная букетиками и бабочками изящная угловая полка. Кровать в нише и раскладной диван, на котором он спит во время своих нечастых приездов.

– Я здесь родилась. И папа твой вырос. Мои воспоминания с этим домом связаны. Самая первая память вся пронизана солнышком. Я в белой вышитой кофте сижу здесь на корточках, что-то болтаю, учусь говорить. У меня в руке булавка с большой красной бусиной, я царапаю паркет этой булавкой и люблюсь пылинками, которые летают в столбике света. И тут входит отец – в косоворотке, с большим портфелем. Он только что вернулся с работы. От него пахнет папиросами и свежей газетой, которую он принес с собой. А его портфель пахнет кожей. Я тянусь к этому портфелю. Хочу узнать, каким подарочком побалует меня папа. Обычно это была конфета. А он берет меня на руки, подбрасывает, крепко целует...

Слушая рассказ бабы Тани, Петька тайком позевывал. Ему было скучно. Он бы с удовольствием погрузился в игру в своем мобильнике, но следующий уровень только через двадцать две минуты и три секунды. И видео здесь просто так не посмотришь. У бабушки как назло не было вайфая.

Не клеились у него разговоры с бабой Таней. Она то приставала с расспросами о школе, друзьях и отметках, то рассказывала о совершенно незнакомых и неинтересных ему людях и местах. Петербург – красивый город, конечно. Но чужой...

Петя подошел к стене с фотографиями и посмотрел на снимок мужчины в военной форме.

– Это Ваш папа?

– Да. Успел сфотографироваться перед отправкой на фронт. Тебя назвали в честь него.

По соседству с прадедушкиной фотографией висел рисунок, с которого на Петю смотрел кот, он сидел на коленях у девочки. Портрет был замечательный, хотя выглядел незаконченным. Девочка и кот казались аппликацией, наклеенной на чистый лист. Художник по какой-то причине не нарисовал фон.

Краски на портрете выщвели, но глядя на оранжевую шерсть кота и пионерский галстук девочки, можно было представить, какими яркими эти акварели были раньше. Петя знал, что пионерка на портрете – это его бабушка Таня, а кота звали именно Рыжиком.

– Я хочу завести кошку, да мама не разрешает. Она не любит кошек. Говорит, они вещи портят, по квартире носятся, мяукают.

Баба Таня улыбнулась:

– Обычно кошек не любят те, кто их никогда не имел. И что же ты маме на это отвечаешь?

– Я ей отвечаю: да ты что, кошки уют вырабатывают! А мама говорит, они только шерсть и запах вырабатывают...

– Что ж, никто не идеален. Зато они очень симпатичные и преданные. Бывали случаи, когда кошки возвращались домой спустя годы, через тысячи километров. Они изменяют жизнь своих хозяев к лучшему и даже спасают их, жертвуя собой.

– А расскажите мне про Рыжика!

Но вот странно: обычно словоохотливая баба Таня не поспешила откликаться на просьбу внука.

– Не разобрала, что ты сказал, Петенька... – пробормотала она, собирая посуду на поднос. – Аппарат мой барахлит.

– Расскажите про своего кота! – закричал Петька. – Это ведь он блокаду пережил?

Баба Таня вздрогнула от его крика, но не перестала заниматься блюдечками и чашками. Она изо всех сил старалась казаться спокойной, чтобы Петенька не заметил ее задрожавшие руки:

– Ну чего тут рассказывать... Жил, жил и пережил... Да.

– А почему...

– Что?

- Ну, ведь другие кошки погибли...
- Подожди, мне посуду надо помыть.
- Подожду.

Угукнув, Петька снова взялся за мобильник и воткнул в уши крошечные наушники. Ему предстояло спасти от гибели человечка, который бегал на экране. Бедолаге по очереди угрожали паук, злая собака, акула с острыми зубами и другие напасти. В наушниках раздавались то лай, то шипение, то вопли о помощи. Человечек погибал, но мальчик сильно не расстраивался. Скоро уровень перезагрузится, появятся запасные жизни, и можно будет играть по новой.

Тем временем баба Таня, собрав все со стола на поднос, брела длинным полутемным коридором на коммунальную кухню. Хотя она шла медленно, сердце ее колотилось быстрее обычного. Что делать с просьбой внука? Петенька уже не маленький, но хватит ли ей самой сил расшевелить ради рассказа то далекое прошлое и не заболеть после этого? Вот и пол уже качался под ногами, как лодка. И шершавая краска на стене оцарапала щеку и висок. И, ох... чайная ложечка упала с подноса. За ней соскользнул, разбился заварной чайник.

– Татьяна Петровна, вам плохо?

Рядом с распахнутой дверью стояла соседка.

– Ничего, ничего. Сейчас пройдет эта... качка, – успокоила ее и себя баба Таня. – Голова закружилась.

– Я вам стул вынесу!

В комнате, где распахнута дверь, раньше жила девочка с хулиганскими глазами. У нее были рыжие ресницы, много веснушек и золотисто-каштановая прядь, схваченная заколкой. Баба Таня попыталась вспомнить ее улыбку. Да чего мучиться! – вот же она, Майка, крутится в светлом прямоугольнике дверного проема, словно и не прошло много лет. На ней знакомое темно-синее платье в полоску. В руках – кукла с белыми кудрями.

– Пойдем на улицу, в магазин играть?

– Пойдем! – весело согласилась Таня.

– А тебя отпустят? У вас же гости! – спохватилась Майка. Для нее Таня была не пожилой женщиной со слуховым аппаратом и одышкой, а тонконогой звонкой девочкой. Такой же, как она сама.

– Конечно, отпустят. Надоело мне с ними за столом сидеть, – махнула рукой Таня. – Они только пьют, едят и разговаривают.

Из-за Майкиной спины высунулась круглая голова Сережи. Братика Майи все называли Сергеем Ивановичем. Сначала его родители, когда еще жили здесь, шутя обращались к новорожденному сыну по имени-отчеству, а потом и соседи подхватили: «Сергей Иванович, опять ты без штанов бегаешь?», «Сергей Иванович соску свою потерял!». Привыкли так его величать, и уже никому это не казалось нелепым.

– Я с вами! – важно объявил он, выбегая в коридор. Его коротенькие ножки бойко затопали по полу.

Майка бросилась было за братишкой, но тут солнечный свет в проеме заслонила дородная женская фигура с папиросой.

– Серго, Майя! Какой еще улица? – спросила она, выпуская облако белого дыма.

Майкина бабушка часто ругала внуку, а внука она баловала. Манана растила детей одна. Ну, и дядя Георгий ей помогал, когда не был на работе. Сергей Иванович, который родителей не помнил, называл его папой. По-грузински «папа» звучит, как «мама». Получалось, что дядя стал для племянника и мамой, и папой.

– Бебо¹, ну, пожалуйста, – заканючила Майя перед бабушкой, складывая губы трубочкой. – На полчасика.

---

¹ Бабуля (груз.). Здесь и далее – прим. авт.

– Сказал: нет! Ты уроки не сделал. И письмо пора писать, забыл совсем?

Каждый месяц четырнадцатого числа Майка под присмотром Мананы писала письмо товарищу Сталину, в котором просила отпустить ее родителей домой, потому что она и маленький брат сильно скучают по ним, а бабушка Манана тоскует по любимому сыну, их папе. «Честное пионерское слово, дорогой Иосиф Виссарионович, мои родители ничего плохого не совершали!» Майка уже двадцать таких писем написала.

– Я ничего не забыла, все вечером сделаю, – пообещала она бабушке. – Бебо, но ведь ты сама сейчас в гости идешь!

Манана неодобрительно посмотрела на внучку и, закатив глаза, выпустила вверх очередную струйку дыма.

– Боже, дай сил воспитать эта девочка! Я сумасшедшим буду...

Тут Сергей Иванович, подбежав, обнял бабушку за ноги, спрятал лицо в ее юбке, и Манана растаяла.

– Чэмо сицоцхле², – она ласково погладила волосенки внука, а Майке строго бросила. – Полчас!

– Ура! Таня, идем! – возликовала Майка.

Растопырив руки и сделав два шага навстречу своей бабушке, она изобразила коротенький испанский танец, похожий на движения матадора перед быком.

– Ля-ля-а, риори-ита!

Ее голова была гордо запрокинута, грудь выпячена. Она так грациозно танцевала, что Таня вдруг поняла: Майя станет красавицей, когда повзрослеет.

– Вот мэтичара³ растет, – проворчала Манана. Возможно, она хотела осудить внучку за излишнее кокетство, но почему-то только тепло было в ее голосе и только гордость в глазах...

– Татьяна Петровна!

Вместо Мананы и Майки в коридоре снова стояла соседка.

У нее в руках были осколки чайника.

– Может, скорую вызвать?

– Нет-нет, спасибо, уже проходит. Я справлюсь...

– Я справлюсь, – тихонько пообещала самой себе Татьяна Петровна на кухне, пока мыла чашки. Ей совсем не хотелось говорить с Петенькой о грустном. Но если она не поделится сейчас воспоминаниями, они исчезнут навсегда после ее смерти. Значит, время пришло. Тем более мальчик сам попросил.

– Все будет нормально, – убеждала себя баба Таня, когда шла обратно по коридору. – Да.

У этого коридора тоже была своя память. Вот Обиженный Сундук в углу. До войны жильцы их коммуналки переживали на нем свои огорчения. Когда вся семья ютится в одной комнате и вспыхивает ссора, то вынести обиду, хлопнув дверью, можно было только в коридор. На сундуке сживали и рыдающая Майка, и ее маленький брат, и Богдановичи по очереди: то старая Ксения Кирилловна, то тетя Шура. Колины бабушка и мать часто ссорились между собой.

Вернувшись в комнату, баба Таня спросила внука:

– Ты на самом деле хочешь узнать?

– Что?

– Про кота.

– Что Вы сказали? – не понял он, вынимая наушники из ушей.

– Ну вот, теперь ты ничего не слышишь, – усмехнулась она, но повторила вопрос.

– Конечно, хочу! – особо не задумываясь, кивнул мальчик. Он даже не остановил игру.

---

² Жизнь моя (груз.)

³ Кокетка (груз.)

– Тогда отложи мобильник и садись рядом.

Баба Таня тяжело опустилась на диван, и Петя наконец понял, что историю, которую она собралась рассказать, ей придется доставать из самой глубины своего большого сердца:

– Рыжика мы нашли во дворе, играли там с Майкой. Он совсем крошечным был, когда я его принесла домой. Так совпало, что моя мама отмечала день рождения и все соседи сфотографировались на память.

Татьяна Петровна попросила внука достать фотоальбом из буфета:

– В левом углу должен стоять, бархатный такой, красный. Только пузырьки мои не разбей.

Приоткрыв застекленную дверцу, Петя почувствовал запах старых духов и корвалола. Осторожно, не касаясь локтем склянок с лекарствами, он вытащил альбом и снова уселся рядом с бабушкой. Баба Таня раскрыла тяжелые страницы, начала перебирать фотографии, которые лежали между ними.

– Посмотри, здесь Рыжик взрослый, – она передала Пете снимок, где кот с разорванным ухом сидел на широком подоконнике бабушкиной комнаты. Окно со старыми рамами и шеколами и сам подоконник с тех пор мало изменились. Взгляд у кота был очень внимательный, почти человеческий. Это было заметно даже на выцветшей фотке. «Два месяца после снятия Блокады», – прочитал мальчик старательно выведенную школьным почерком надпись на обороте.

– Разве «блокада» не с маленькой буквы пишется?

– По правилам – да, но люди пишут с прописной. У меня рука не поднимается это слово с маленькой написать... Я и произношу его с большой буквы... Вот, нашла.

Баба Таня вынула из пачки снимков то, что разыскивала – еще одну любительскую фотографию. На ней стояли две девочки и два мальчика: один большой, уже подросток, и другой – совсем маленький.

– Это я с Рыжиком, – она показала на светловолосую девочку, которая прижимала к груди крошечного котенка. – Хотя тогда он был еще без имени. В наше время мало кто морочил себе голову, выдумывая клички для своих животных. Почти все кошки были Мурками, а коты – Васьками и Барсиками. И потом никто и не думал, что котенок у нас останется... Да.

Бабушка медленно повела пальцем по снимку:

– Это моя подружка Майка, в соседней комнате жила. Рядом ее младший братик Сережа. А это Коля Богданович, – она показала на большого мальчика. – Он тоже был из нашей квартиры. Мечтал стать художником. Нет, неправильно я говорю... Он уже тогда был художником и учился, чтобы нарисовать много других замечательных картин. Мой портрет с Рыжиком – его работа. Он все время рисовал, на улице почти не играл. Не то что мы...

Баба Таня улыбнулась своим воспоминаниям о друзьях и родном дворе. Зимой они делали в сугробах пещеры, или катали друг друга на санках, или просто падали в снег – от кого лучше отпечаток получится. И возвращались домой с покрасневшими лицами и висевшими из-под шапок сосульками волос, с задубелыми от мороза варежками, которые тяжело раскачивались на резинке.

Уход зимы они чувствовали острее взрослых. Может, потому что все время проводили во дворе и были ближе к земле. Запах таяния, свежие почки на кустах (дети, конечно, пробовали их жевать), жуки в спичечной коробке и «секреты», закрытые стекляшкой клады с красивыми фантиками – это была весна.

Они в любую погоду бегали по двору. Там, где сейчас стоянка машин, раньше находился сарай. Дети носились по всему пространству двора между этим сараем и подворотней. Домой их загоняли только вечером.

Игры начинались со считалки:

Эни, бени, рики, таки,

Турба, урба, синтибряки,
Эус, бэус, краснобэус,
Бац!

Эти слова казались волшебным заклинанием, оно было известно только посвященным. То есть им, детям.

Подрастая, они тайком от родителей узнавали мир за пределами двора. Улица выманивала их из подворотни звонками трамваев, шумом автомобилей и гомоном толпы. Иногда они отваживались путешествовать далеко.

Дошли даже до кладбища, рассматривали там памятники с такими древними датами, что захватывало дух. Читали, запинаясь, надписи на надгробиях. Многие слова были стерты временем, вдобавок непонятны из-за старой орфографии с ее «ерами»⁴ и «ятями»⁵. Но одна фраза врезалась в память: «Смерть разлучила, смерть соединить». Этот грустный шепот, увековеченный в камне, тронул сердце...

Вокруг почему-то стояла тишина: не чирикали птицы, не шумела листва, и каждый шаг сопровождался громким треском сухих веток под ногами. На одной могиле дети увидели гранитный гроб на каменных звериных лапах. Его украшали необыкновенные цветы, их тонкие фарфоровые лепестки выглядели как живые. Создавший такую красоту мастер был не только талантливым, но и очень усердным.

На кладбище оказалось много заброшенных склепов с надстройками в виде часовенок. А у настоящей большой часовни с маковкой и тройными высокими окнами толпились люди. Вместе с пожилыми тетеньками стоял мальчишка. Он заметил ровесников и сразу спрятался за спины богомолок.

Дети смеялись, оборачиваясь на него: поклоны бить пришел! Эта кладбищенская грусть, кресты и мудреные молитвы не имели к ним никакого отношения. Они будущие пионеры и в ерунду не верят. Но вдруг им показалось, что кто-то наблюдает за ними из-за кустов. Призрак? Бандит? Нет, то был мраморный ангел с отбитым крылом. Он сидел у полуразрушенного склепа и укоризненно смотрел на них...

– И вы не боялись гулять одни?

– Взрослые все вместе за нами присматривали: и за своими, и за чужими. Люди тогда проще жили, одной большой семьей. Представь, во дворе в разгар какой-нибудь лапты или чижика мы могли постучать в любое окно и попросить воды...

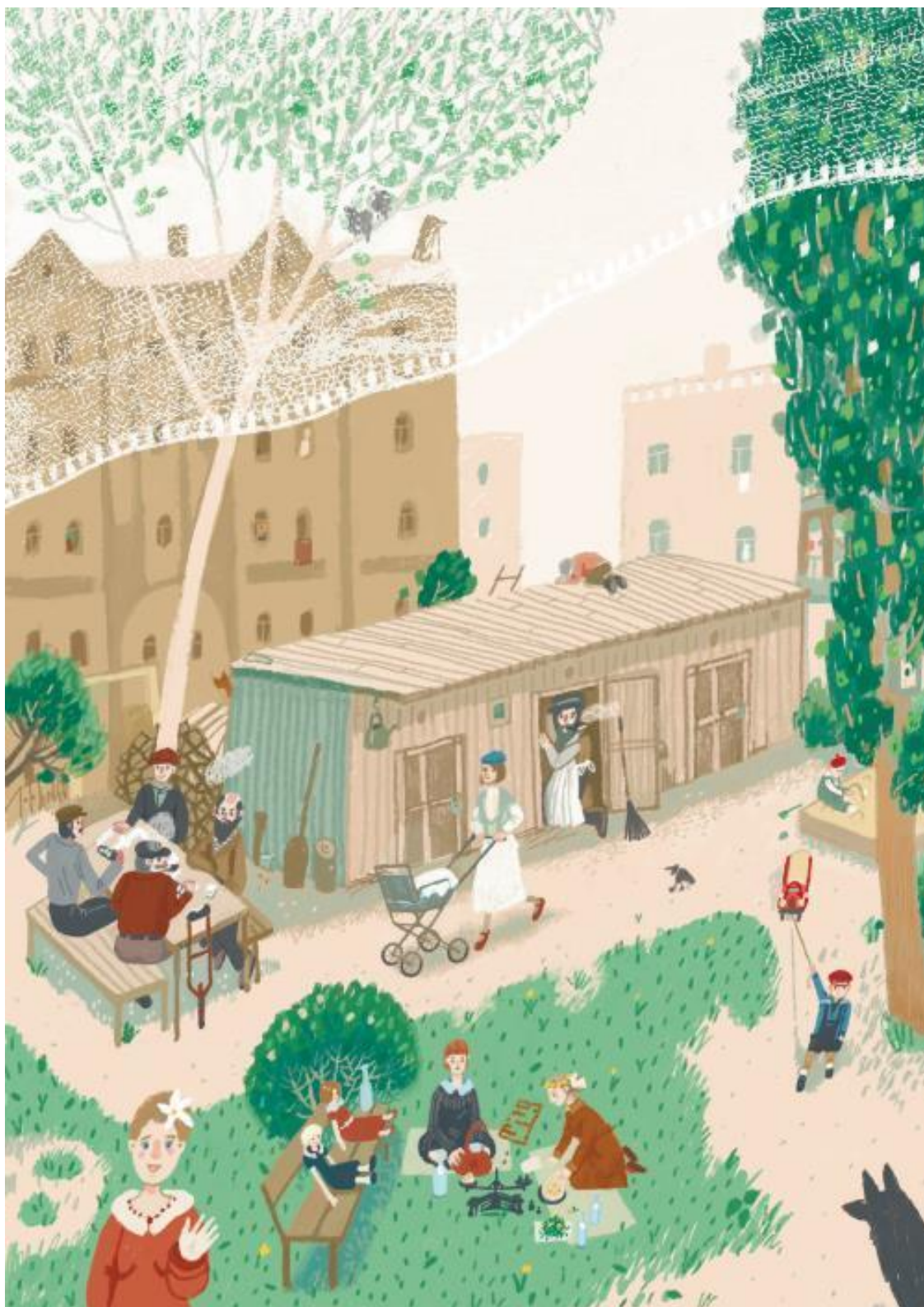
Прошлое никуда не делось. Оно всегда находилось рядом, на расстоянии вытянутой руки. Граница между ним и настоящим была тонкой, как прозрачный занавес. Она начала таять, таять и... действие перенеслось в то далекое лето. Вот он, старый двор, залитый теплом и солнечным светом! На верхушке большого тополя разогретый летний воздух дрожит вместе с листвой, а на земле медленно наползают друг на друга короткие полуденные тени.

---

⁴ «Ер» – название буквы «Ъ», или твердого знака, до орфографической реформы 1917–1918 годов. После реформы твердый знак больше не использовался на конце слов; сохранилась лишь его разделительная функция.

⁵ «Ять» – название буквы «Ь», обозначавшей особый звук, впоследствии совпавший с «е» (существовала до реформы 1917–1918 годов).

В тот погожий день многие окна были распахнуты. Из коммунальных кухонь неслись ароматы готовки: котлет с чесноком, шей и супов с копченостями. На втором этаже женский голос пел из патефона, который стоял на подоконнике. Звук эхом разносился вокруг. Пластинку ставили снова и снова, и весь двор уже наизусть выучил слова песни про кукарачу⁶.

⁶ «Кукарача» (исп. La Cucaracha, «таракан») – русскоязычный вариант шуточной народной испанской песни. Исполняла

Было воскресенье. Из полуподвального окна раздавались крики: это Федора, как всегда по выходным, громко ругала своего непутевого мужа. Он, пьяный, бубнил что-то в ответ.

Молодые мамы сидели рядом с песочницей, присматривая за карапузами. Старики играли в домино. Среди них выделялся инвалид дядя Митя с браво закрученными кверху усами. Он потерял ногу на войне с Германией и теперь носил деревянный протез на шарнире.

Когда дядя Митя вставал и, опираясь на костыль, с трудом передвигался по двору, его искусственная нога скрипела: скик-крик, скик-крик. Все во дворе знали этот звук, его ни с чем нельзя было спутать.

Мальчишки любили слушать рассказы дяди Мити о войне и даже просили разрешения потрогать его необыкновенный протез. А он иногда поручал им купить ему на улице кваса или чего-нибудь съестного, и они сразу бежали в подворотню – гордые, что им доверены деньги.

Чаще всех рядом с инвалидом крутились главные дворовые хулиганы Санька Ферт и его младшие братья-близнецы Свист и Буза. У мальчиков, конечно, были человеческие имена. Глупыми воровскими кличками сыновей наградил отец, взяв их из фильма о беспризорниках. Эту троицу еще называли Федориным горем. Их мать Федора билась в одиночку и с ними, и с пьяницей-мужем, и с бедностью. Она без конца одалживала у соседей деньги.

Братья не хотели слушать никого на свете и уважали только дядю Митю. Втайне они мечтали пойти на войну и стать такими же героями, как он. Но сейчас дворовые хулиганы были заняты важным делом: они о чем-то сговаривались за поленницей с другими мальчишками, сбиваясь в стаю. Наверное, на войну с соседним двором собирались.

На лавке важно сидели куклы Наташа и Маша с белыми кудряшками. Они ждали обеда. Их хозяйки, устроившись на разложенном на траве покрывале, играли в магазин. Девочки покупали другу друга продукты, чтобы приготовить этот самый кукольный обед, и взвешивали товар на игрушечных весах.

– Мне полкило песка, – тоном взрослой покупательницы просила Майя. – И литр молока.

– Сейчас сделаем, – так же солидно отвечала ей продавщица Таня.

Продукты были ненастоящие. Молоко – простая вода в бутылки с узким горлом. Сахарный песок – из дворовой песочницы. Майин братишка насыпал его в кузов игрушечного грузовика. Водитель Сергей Иванович серьезно относился к своей работе, он без опоздания продукты в магазин доставлял.

Подпевая патефону, Таня быстрыми движениями пристроила гирию на одну чашку весов, отсыпала товар на другую. Подождала, пока коромыслице перестанет колебаться, и добавила еще немного. Она хотела быть похожей на ловкую и всегда веселую продавщицу из булочной на углу Наличного переулочка, куда они иногда ходили с мамой.

– Вот, пожалуйста, ровно полкило!

– Сколько я вам должна? – спросила Майя, прищурившись на солнце. Она держала наготове потрепанную дамскую сумочку со сломанным замком, там лежали игрушечные деньги – листья и маленькие камешки.

«Не все, что с колесиками, обязано ездить», – ворчал папа, занимаясь починкой.

Но сегодня он был в хорошем настроении и просто взял с Тани честное пионерское слово, что она больше не разрешит Сергею Ивановичу превращать его счетную доску в средство передвижения.

– Так... За песок – одиннадцать рублей, за молоко – пять рублей десять копеек. Итого с вас шестнадцать рублей десять копеек... Дама, только будьте любезны без сдачи: у меня мелочи совсем не осталось!

Потом девочки кормили кукол кашей. Сергей Иванович захотел им помочь и тоже поднес палочку к кукольным ртаам.

- Там невидимая горчица.
- Сережа, куклы не хотят твою горчицу.
- Тогда дам им шоколада.

Он с лукавой гримасой задрал свою рубашку и показал большое родимое пятно на животе. Бабушка Манана, когда целовала внука в это коричневое пятно, говорила, что это у него шоколадка там спрятана.

По двору, пританцовывая под «Кукарачу», прогуливалась Люся Сахарная Головка. Ее прозвали так из-за головы, похожей на длинненький слиток сахара конусной формы. Говорили, что, когда Люся родилась на свет, ее тянули за голову щипцами.

Таня представляла огромные сахарные щипцы. Разве можно так с младенцем обращаться? Вот и повредили Люсе голову. Дворовая дурочка часто городила чепуху, смеялась и плакала без причины. Но дети знали, что она никому не сделает ничего плохого. Сахарная Головка была доброй. Постояв рядом с женщинами, она направилась к Тане и Майке.

– Что едим? – спросила Люся. В ее волосах торчал белый цветок.

– Манную кашу, но это по-игрушечному, конечно. Не по-настоящему, – на всякий случай объяснили девочки.

– Я кашу всякую люблю. Манную, пшеничную, из гречи... – перечисляя, Люся счастливо улыбалась щербатым ртом. А Сергей Иванович, которому надоело возить песок, громко зашептал сестре:

– Почему она Сахарная? Она что сладкая, как я?

Девчонки прыснули со смеху и виновато поглядели на Люсю: слышала или нет?

Сергей Иванович усадил пообедавших кукол в свой грузовичок, стал катать их по кругу, изображая звук мотора:

– Тыр-тыр-тыр!

Куклы тряслись в кузове, размахивая своими игрушечными руками-ногами, то и дело валились друг на дружку. Люся смеялась. Ей нравилось находиться с детьми, ведь она сама была вечным ребенком.

– Ой...

Дурочка вдруг спрятала свое лицо в ладонях. Отняв их, опять посмотрела на грузовик с куклами. Ее рот исказило горе.

– Ой... Страшно, как страшно... – запричитала она. – Ой, мамочки мои, что делается... Мертвые живым из кузова руками машут. Живые землю едят... Земля – еда, вода – молоко!

Испугавшись Люсиных криков, дети отбежали подальше. Сергей Иванович спрятался за сестру. А Сахарная Головка побрела в сторону подворотни, громко переживая свое страшное видение.

– Люди добрые... Беда, беда-то какая! Не хочу туда!

Дурочка ушла, остался только брошенный ею цветок. Но девочкам расхотелось играть в кукольные путешествия. И Сергей Иванович застыл с оттопыренной губой и полными слез глазами. Майя обняла брата.

– Не бойся, Люся всегда глупости говорит.

– Конечно, глупости! – Таня решила отвлечь мальчика. – Сережа, а давай весы проверим, точно ли они взвешивают.

Сразу передумав плакать, Сергей Иванович принялся грузить разнокалиберные гири в чашки весов. Таня присела рядом, объясняя мальчику, как их уравновесить.

Ей тоже было не по себе после Люсиной выходки: и что такое дурочке привиделось? Но она умела не расстраиваться из-за ерунды. Этому ее научила мама: «Если унываешь, подумай о трех вещах, которые могут тебя прямо сейчас обрадовать. Пусть это даже будут совсем маленькие вещи. Они перед тобой, просто ты их не ценишь, потому что привыкла к ним».

И Таня постаралась смотреть только на хорошее. Ведь его полно вокруг. Вот прямо сейчас: лето, родной двор, Майка рядом, игра. Считать можно и дальше!

Вокруг стало очень тихо, даже ветер замер в макушке тополя. Такая тишина случается в театре. Короткая пауза нужна, чтобы подготовить внимание зрителей для следующего действия. Мгновение прошло, и двор ожил: снова стали слышны музыка, разговоры, стук костяшек домино, крики мальчишек, смех. Но к привычным звукам добавился новый: из-за сарая раздавался слабый писк.

Майка толкнула Таню:

– Слышала? Ребеночек плачет.

Муркин сын

Ребенка за сараем не было. На высокой поленнице жалобно мяукал рыжий котенок. Что за злой человек посадил его туда? Увидев детей, котенок заплакал еще громче. Он не мог слезть с этой высокой горы. Таня была повыше ростом, ей удалось снять малыша. Девочки и Сергей Иванович по очереди осторожно гладили жалкого кошачьего младенца, и он успокоился, заурчал. Даже прикрыл глаза от удовольствия, когда Таня почесала у него за ухом.

– Урчит как тр-рактор, – заметил Сергей Иванович.

– Это из благодарности. Я ему сейчас молока вынесу.

– Ой... – Майка испуганно зажала свой рот рукой. – Мне же домой давно пора!

Девочки торопливо собрали кукол, завязали узлом покрывало с игрушечным имуществом, сунули счеты в руки Сергею Ивановичу – пусть помогает – и поспешили к крыльцу. Котенок побежал за ними.

– Ты куда, рыженький? – остановилась Таня.

Он посмотрел ей прямо в лицо, снизу вверх прижался к ее ноге и мяукнул. Не нужно быть знатоком кошачьего языка, чтобы догадаться, о чем просит этот котенок: «Возьми меня с собой. Я стану тебе лучшим другом. Мне голодно и страшно одному! Ведь каждому коту нужен человек».

Говорят, что кошки между собой не мяукают, что этот их язык только для людей. Но не всякая взрослая кошка умеет обращаться к человеку так проникновенно, глаза в глаза, как сделал этот малыш.

– У родителей было праздничное застолье. Конечно, когда мы заявили с котенком, все начали расспрашивать, где мы подобрали его. Потом спорили, чем его накормить. Народа в небольшой комнате было много, все шумели, каждый хотел высказать свое мнение и погладить маленького. Рыжик испугался.

Длинный стол был поставлен вот так, от стены до стены. Чтобы соорудить его, отец снял дверь с петель и положил ее на два других небольших стола. А соседи пришли со своими стульями...

Самые красивые стулья, с гнутыми ножками и резными спинками, принесли Богдановичи. На одном была вырезана корона.

А на других еще интереснее: там то ли две змеи извивались, то ли лебеди переплетались своими длинными шеями.

У Богдановичей все было необыкновенным: от мебели до безделушек. Коля рос среди этой красоты и должен был унаследовать ее. Его бабушка Ксения Кирилловна до революции хозяйничала во всей квартире, теперь же она ютилась в одной комнате с семьей сына. Но иногда по старой памяти называла соседские комнаты детской, людской, кабинетом.

– Какой же ты хороший!

Коля погладил котенка. Пальцы мальчика случайно коснулись Таниной руки, и она смутилась. Что-то новое появилось недавно в ее отношении к нему, что заставляло избегать задумчивого взгляда его темно-синих глаз. Девчонки в школе сказали бы, что Коля ей нравится. Таня не любила это слово, но как еще описать неожиданное чувство?

– Дайте котенку крабов, – скорее приказала, чем предложила, Ксения Кирилловна.

Салат с экзотическими крабами стоял нетронутым, хотя другие закуски были почти съедены.

– Да, мама, всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы! – пошутил дядя Саша.

Таня знала этот стишок. Он был с плаката, где женщина с очень белыми зубами и таким же ослепительным воротничком нахваливала консервы, поднося ко рту наколотый на вилку

кусоч краба. И еще там было написано внизу: «Наркомпищепром СССР. Главрыба». Эти плакаты висели во многих магазинах, но крабы все равно плохо продавались.

Дядя Саша от души расхохотался над собственной шуткой, снял и протер свои очки в роговой оправе. Потом его широкий рот вдруг снова растянулся в лукавой ухмылке, и сосед, повернувшись к детям, соорудил невероятную гримасу.

Девчонки сразу залились тихим смехом, их заглушил хриловатый хохоток Сергея Ивановича. Ни у кого на свете не получались такие жуткие и смешные физиономии, как у дяди Саши Богдановича. Он мог бы с большим успехом играть в комедиях или развлекать народ с эстрады. Но вместо этого каждый день ходил работать в какой-то скучный «Леноблстромат-промсоюз». Дети помнили это название только потому, что раньше долго соревновались, кто первым выговорит его без ошибок.

Гладкое, очень подвижное лицо дяди Саши казалось сделанным из мягкой резины, и Таня вдруг поняла, кого он ей сейчас напоминает – резинового пупса! Она представила, что у соседа спрятаны на спине пищалка и треугольник фабричного клейма с буквами. Это ее еще больше развеселило.

Колин отец был добрым, большим, радостно шумным. Именно за его любовь боролись между собой Ксения Кирилловна и тетя Шура.

– Смотрите, какой замечательный котенок, – сказала тетя Шура, деловито оценивая Рыжика. – Усы, ну очень богатые. И челюсти крупные. А лапы-то, лапы какие знатные! Этими лапами много чего можно поймать. Хороший крысолов будет... Лучше курятины порубленной ему дать, мы в деревне так делали. А крабов никаких не надо.

Она улыбнулась, и все увидели милую шербинку между ее верхними зубами.

– Разумеется! – своим серебряным голоском съехидничала Ксения Кирилловна.

На фарфоровом лице старушки проступил румянец обиды: ну вот никогда невестка с нею не соглашается. И ведь ничего особенного из себя не представляет! Ксения Кирилловна так и не привыкла к мысли, что ее Сашенька, сын инженера, женился на простой тете Шуре.

– Я в деревне не жила, откуда мне знать! Родилась в Петербурге, потом жила в Петрограде, теперь вот доживаю свои дни в городе... Ленина.

Стул с короной, на котором восседала Ксения Кирилловна, добавлял ее словам трагической значительности. Ни дать ни взять – королева в изгнании.

– Да накорми его хоть чем, – бросила Манана, глядя на котенка. – Худой такой. Жалко.

– Курить есть? – спросила она своего сына дядю Георгия.

Тот немного подумал и без всякой охоты вынул из кармана полупустую пачку «Беломорканала», потряс ею, молча подавая матери папиросу. Он всегда уважал ее просьбы, но сейчас его взгляд и жесты выражали неодобрение.

Манана сделалась заядлой курильщицей после ареста старшего сына и невестки. Она дымила как паровоз и утверждала, что это помогает ей успокоиться. Родным не нравилась ее новая привычка. Майкины платья пропахли табаком. Дядя Георгий сказал как-то, что целовать курящую женщину – это то же, что понюхать пепельницу с окурками. Манана на него тогда обиделась. Хотя, подумала

Таня, глядя на Майкину бабушку, кто вообще будет ее целовать такую толстую и старую? – Только маленький Сергей Иванович. А он Манану любую обожает.

Рыжику наконец дали курятины. Подали на красивой фарфоровой тарелке, поставив ее прямо на пол. Наверное, котенок не пробовал такую еду, прежде он пил одно только материнское молоко.

Он жадно схватил угощение, начал старательно мусолить его, тряся крошечной головой, роняя кусочки на пол. И так увлекся, что всеми четырьмя лапами залез в тарелку – маленькому несложно в ней уместиться. Съев все мясо, он аккуратно облизал мордочку и лапы – ну, прямо, как взрослый, знающий порядок кот.

Таня снова взяла его на руки. Он какое-то время забавно мял ее колени своими передними лапами, слегка выпуская коготки и устраиваясь поудобнее. И вскоре заснул, довольный. За столом тоже наступил мир. Ксения Кирилловна снова вспоминала молодость, Манана молча курила.

И тогда мама, решив, что на ее дне рождения стало слишком тихо, захотела растормошить гостей. Она достала из шкафа свою модную шляпку, надела ее, дурашливо сдвинув на одну сторону. Подошла к пианино, вдохнула аромат стоящих на нем красных роз.

– Как они пахнут медом... А знаете что, дорогие товарищи? Давайте-ка танцевать!

И она присела к своему инструменту, чтобы исполнить совершенно несерьезную песенку из варьете:

*Забудем, забудем неудачи,
Мой мальчик-пай!
Поедем, поедем поскорей, милый,
В Парагвай!*

Таня привыкла, что мама играет классику, а тут – «Парагвай». Видели бы ее сейчас ученики!

И у мамы здорово получалось, она была такая озорная в этой сдвинутой набок шляпке. Ее стройная нога в модной туфле нажимала на педаль, локон пружинил на щеке, и в тонком профиле с длинными ресницами совсем не проглядывала обычная серьезность. У Тани даже мурашки пробежали: неужели эта прекрасная женщина, которая дурачится сейчас за пианино, на самом деле ее мама?

Дядя Саша отплясывал со своей женой. У него ловко получалось несмотря на то, что он был грузным мужчиной. А папа саму

Манану вытащил из-за стола, и они неуклюже и весело потоптались на свободном пространстве возле двери.

– Bravo, Лидочка! – закричал запыхавшийся дядя Саша. – Давно я так славно не прыгал.

– Да уж, именинница, – восхищенно и с гордостью рассмеялся папа. – Ты всех сегодня удивила!

Этот летний день будет долгим. Ночью солнце лишь слегка спрячется за горизонтом. Оно не позволит темноте сгуститься. После коротеньких сумерек солнце покажется снова, и начнется новый бесконечный летний день.

Наверное, счастье именно так и выглядит: дорогие тебе люди просто сидят рядом с тобой за столом. Их маленькие ссоры ничего не значат. Главное, все они здоровы и живы. На столе – еда, в окне – голубое небо, в котором хозяйничают только птицы и морской ветер. К причалам подходят только мирные корабли. В доме звучит музыка. А на коленях у тебя доверчиво спит рыжий котенок.

Таня пока не знала, что каждую минуту этой обычной жизни следовало ценить как самый дорогой подарок. Даже старенькая Ксения Кирилловна, похоже, не знала этого.

– Ах, милые мои, вам бы так повеселиться, как мы раньше веселились, – вздохнула старушка. – Театр, гости каждую неделю... И танцы, танцы! Помню, как мчались по морозу с подругами и кузенами в экипажах на бал, нарядные, счастливые! Все прохожие нам улыбались... На балу начинали с полонеза, а дальше понеслось – галоп, полька, лансье! Я больше всего мазурку любила. Летишь вперед, плечо так приподнимешь и через него смотришь на кавалера.

Глаза Ксении Кирилловны по-молодому сверкнули, когда она изобразила, как кокетничала в те годы, и Таня увидела ее юной и стройной, в длинном платье, порхающей в разукрашенном светлом зале.

– А кавалер тебе не уступает: то на колено упадет и заставляет вокруг него кружиться, то шпорами щелкнет и мчит тебя дальше. Это был такой праздник!

– Веселая молодость у Вас получилась, Ксения Кирилловна, – произнес Танин папа. Его лицо вдруг стало очень серьезным. – Только вот одна беда... Праздника этого на всех не хватало... Но теперь праздников каждому будет хватать. Для этого мы революцию и сделали!

– Да, наверное, для этого и сделали, – грустно согласилась старушка. – Но хочу вас заверить, что праздники долгими не бывают...

Все молодые люди, с которыми я так весело отплясывала, вскоре уехали на турецкую войну. Вернулись оттуда калеками или того хуже...

Она не успела договорить, потому что в комнату вошла соседка Рая.

– А ну-ка, товарищи, здравствуйте!

В одной ее руке была табуретка, в другой – тарелка с пирожными. Рая работала в столовой, у нее всегда было много еды.

– С днем рождения вас, Лидуся.

Наверняка Рая перед этим постояла в коридоре подслушивая. Она всегда так делала.

Соседка заметила котенка.

– Я знаю, он из-под сарая. Там бездомная беременная мурка раньше крутилась. Два раза я ее прогоняла, но потом она сама пропала. Жалко...

Рая сделала паузу, отпивая из предложенного ей бокала.

– Да, жалко кошечку, – успели согласиться сидевшие за столом.

– Да нет же! Я говорю, жалко, что дворник этих котят сразу не утопил! Вот вы мне скажите, – Рая строго показала пальцем на сладко спавшего котенка, – такое нужно нашему образцовому домохозяйству? И вдобавок рыжий, – неодобрительно скривилась она. – Рыжие злопамятны, они не мяукают и не ласкаются. Это всем известно. Не приручайте вы его, гоните в шею!

Но тетя Шура не согласилась с ней.

– Вот и неправда. У меня жили и рыжие, и трехцветные, и серые. Животные от рождения все разные по характеру, как люди.

Рая смерила тетю Шуру снисходительным взглядом: она-то все равно знает, что права!

За столом стало неуютно. Всего пять минут прошло после появления соседки, а улыбки погасли, взгляды стали настороженными. Даже цветы в вазе как будто опустили свои головки.

Ксения Кирилловна поднялась из-за стола.

– Пожалуй, пойду. Благодарю вас за гостеприимство, Лидочка... Да, знаете что? Я вот как раз полагаю, что этот котенок – подарок на ваш день рождения.

Мама рассмеялась.

– От кого же?

– Наверное, от судьбы... Рыжий кот – предвестник счастья в доме. Он сам решает, у кого поселиться. Если рыжий пришел к человеку, значит, есть в этом какой-то важный смысл, пусть пока и скрытый. Так что поздравляю, вас выбрали! Вы не отказывайтесь от своей удачи, – торжественно предупредила старушка и повернулась к сыну. – Александр, посчитай мне потом пульс, пожалуйста.

Это была обычная просьба. Дядя Саша или Коля ежедневно проверяли частоту ее сердцебиений. Одна рука – на тонком сморщенном запястье Ксении Кирилловны, в другой зажаты серебряные круглые часы с секундной стрелкой: тик-ток, тик-ток...

– Мама, да я без секундомера вижу, что у Вас шестьдесят два удара в минуту! – пошутил дядя Саша.

Но он тоже засобирился уходить. И вслед за ним остальное семейство Богдановичей поднялось из-за стола. Ну не вызывала соседка Рая у них симпатии.

Когда они выносили от Смирновых свои красивые стулья, дядя Саша весело напевал, подмигивая то тете Шуре, то маме Лиде:

*Она была бы в музыке «каприччио»,
В скульптуре – статуэтка «ренессанс»,
От всех в ней есть какое-то отличие.
Мадам Люлю, бульвар де Франс...*

– Давно кончилась их власть, так нет, все по старым временам тоскуют. Буржуи недобитые, – недобро бросила вслед Богдановичам Рая, устроившись на своей табуретке.

Рот у соседки был маленький, губы плотно сжаты. Хотя у нее была модная стрижка, шелковая блузка с воланами и длинные бусы, Таня не считала эту молодую женщину красивой. Ее круглые глаза блестели пустым блеском, как две большие пуговицы. Рая любила возмущенно тарашить их, повод для возмущения у нее всегда находился...

Вечером, когда гости ушли, отец тихо сказал маме:

– Линечка, что делать? Я кошек совсем не люблю. Я знаю, Танюша расстроится...

– Расстроится, конечно. Ох, слез будет... Ведь так просит оставить котеночка. За это она и по дому все начнет делать, и музыкой будет как следует заниматься. Что она нам еще не пообещала? – спросила мама.

– Что отличницей по немецкому языку станет. Это не пообещала пока, – в тон ей ответил папа и продолжил серьезным голосом. – Нам бы объявление повесить. Может, возьмет кто рыжего?

– Да, – устало согласилась мама. – Завтра и напишем...

Прошел день, другой, объявление все еще не было написано. А потом папа неожиданно заявил, что с кошками жить не так уж трудно. И что они совсем неприхотливы: для хорошей жизни им и нужны-то всего миска еды, теплое место и... любовь хозяина.

– Баб Тань, почему же ваши родители разрешили оставить котенка? – удивился Петька.

– Да потому что Рыжик был замечательным! Он сразу почувствовал себя дома. Не стал прятаться под шкафом, согласился спать в старой корзинке, которую для него поставили. Он очень хотел разговаривать с нами, такой урчун и игрун оказался. Забавный был. Набегавшись, засыпал раскинув лапы, лежа на спине, или на рядах натянутых бельевых веревок, или на подоконнике, в совершенно человеческой позе: полусидя, уронив передние лапы и вытянув задние, как ноги – так папа обычно засыпал в кресле...

Первое время Рыжик очень удивлялся отцовскому храпу.

Он смотрел на полуоткрытый папин рот, откуда вырывались непонятные звуки, и протягивал лапку, словно хотел поймать их.

А еще Рыжика испугал будильник. Когда котенок впервые услышал его, он соскочил на пол и пополз к двери, широко растопырив онемевшие от страха лапы. Будильник, действительно, был неумолим: он в один момент прогонял утренний сон и заставлял без лишних раздумий вскакивать с кровати.

Чтобы не слышать его настырный звон, Рыжик стал будить отца на минуту или две пораньше. Втянув коготки, он нежно трогал папин подбородок: «Давай, просыпайся, хозяин, пока твоя страшная железка не начала дребезжать».

С появлением Рыжика наш дом стал уютнее и теплее, в нем словно поселилось маленькое солнце. Отец окончательно оттаял и однажды признался, что не подозревал, какие кошки умные создания: «Как такой прекрасный зверь мог сидеть на улице и быть никому не нужным?» А Рыжик в этот момент лежал, свернувшись крендельком на его груди, и отец боялся

пошевелиться, чтобы не побеспокоить котенка. В тот момент он меньше всего был похож на человека, который не любит кошек.

* * *

Наступила осень. Танин класс с учительницей Людмилой Михайловной отправился на экскурсию во Дворец культуры имени Кирова.

Самый большой в Ленинграде, он был похож на корабль, плывущий по пустырю к Финскому заливу.

– В старое время на этом месте была свалка, обитали бродяги и бандиты. Но революция все изменила. Пришли молодые рабочие, комсомольцы и сказали: «А построим-ка мы дворец! Не для буржуев – для себя. Пусть наши дети приобщаются здесь к красоте...» Строители на славу потрудились. Одной бригаде надо было поставить конструкцию в театральном зале – так они оттуда сорок часов не уходили, пока все не сделали! – увлеченно рассказывала детям учительница по дороге к дворцу. – В здании могут разместиться – вы только вдумайтесь – десять тысяч человек... Посмотрите, вон в той башне с куполом планируется обсерватория. Но и сейчас столько всего работает! Театр, библиотека, физкультурные секции. Сами выбирайте, ребята, кому что по душе.

Учительница говорила не как на уроке, а взволнованно, то и дело поправляя свои разлетающиеся на ветру светлые волосы. Было заметно, что Людмила Михайловна очень гордится и дворцом культуры, и построившими его ударниками-рабочими, и революцией, которая дала такие возможности простым людям.

Слушая ее, Таня представляла дворец плавно взмывающим с пустыря в небо. Он, подобно летающему кораблю в «Золотом ключике», со всеми своими многочисленными пассажирами: музыкантами, учеными, спортсменами, танцорами, другими увлеченными людьми – держал курс прямо в будущее.

– А давайте помечтаем и увидим здесь парк! Как будто мы с вами идем сейчас по тенистой аллее под высокими вязами и липами.

Людмила Михайловна запрокинула голову. В ее ярко-голубых глазах отразилось только небо. Но она улыбнулась, словно разглядела наверху густые кроны воображаемых деревьев.

– Замечательно было бы, правда? Когда станете взрослыми, обязательно увидите все здесь зеленым... Кстати, у меня есть для вас хорошая новость. Уже очень скоро вы сможете играть в новом общественном саду!

Обрадованные дети сразу засыпали ее вопросами: что это за сад такой появился по соседству? И почему они прежде не слышали о нем?

– Потому что его пока не открыли. Он будет на месте нашего Смоленского кладбища, – объяснила Людмила Михайловна.

– А могилы?

– Их перенесут на другие кладбища. Если родственники объявятся... Но все перезахоронить невозможно. Поэтому безродные могилы будут разровнены. И часовню кладбищенскую уберут. Как раз только что вышло постановление о ее сносе.

Таня поежилась от этих слов. Захочется ли ей там играть? Ведь она все равно будет вспоминать и часовню, и гроб со звериными лапами, и крылатую фигуру возле склепа. Даже если все кладбищенские знаки исчезнут, само место не перестанет быть печальным. Взгляды невидимых глаз и беззвучные шепоты будут преследовать веселящихся людей.

Другие дети тоже растерянно примолкли, но учительница сказала, что в первую очередь надо думать о живых.

– Кладбище давно беспризорное. И нашему району очень нужна эта территория. Да что я вас уговариваю! Вы сами скоро убедитесь.

Во дворце Людмила Михайловна провела учеников через зал с колоннами из красного мрамора, мимо плаката на стене: «Вспыхнуло пламя Октябрьской грозы, сделало нас всех свободными». Здесь только что закончился урок танцев.

Детские кружки и секции находились наверху. Их было такое множество, что у детей жадно загорелись глаза, едва они поднялись по лестнице. Девчонки потянулись к кройке и шитью, мальчишки – в радиотехнический, судомодельный кружки. Там были еще шахматно-шашечный клуб, драмтеатр, секция хореографии. И в окна можно было рассмотреть помещение, где занимались любители ботаники. Это была настоящая оранжерея, полная цветов.

Таня заглянула в кружок художественного слова. Там девочка с длинными тяжелыми косами воодушевленно декламировала:

*Зацвели ряды улыбкой,
Флаги заревом зажглись,
Скажем Сталину спасибо
Мы за радостную жизнь!*

В другом просторном зале сидели со своими мольбертами и красками художники. Таня удивилась, заметив среди них своего соседа Колю. Художникам позировала натурщица в спортивном костюме и кепке. Но Коля почему-то рисовал не ее, а быстрый дождик в окне. Как опытный мастер, он смело наносил мазки акварели на бумагу, и краски расползались по ней, волшебным образом превращаясь

в очертания дальних домов и голубя, который пристроился на оконном отливе рядом с мокрым кленовым листом. Прямо на глазах рождалась картинка сентябрьского дня, полная легкой осенней грусти.

Коля обернулся, сразу узнал Таню. А она смутилась оттого, что не успела спрятаться. Ее поймали за подглядыванием.

– Ты записываться сюда пришла? – спросил он.

– Да, – соврала Таня и сразу разозлилась на себя, что сказала неправду. Ну почему она так глупит, когда Коля рядом?

– Уже набрали группу, запись закончена.

– Ничего, – лихо махнула рукой Таня, – в следующем году приду.

Она кивнула на девушку-натурщицу.

– Ты не рисуешь ее?

– Сейчас начну. Захотелось набросок акварельный сделать, пока настроение не прошло.

– А меня нарисуешь когда-нибудь? – как можно небрежнее спросила Таня. Она-то раньше думала, что Коля не гулял с ними во дворе, потому что слегка хромал и носил ортопедический ботинок. Оказалось, у него просто были дела поважнее. Эти краски, художественная студия и... талант.

Коля внимательно посмотрел на нее, как будто уже начиная набросок портрета.

– Нарисую. Вместе с Рыжиком.

Прошло три с лишним месяца. Портрет с котом так и не был начат. Зато дети из квартиры номер пять придумали театральное представление. К нему долго готовились и устроили его прямо в прихожей в первый после новогодних праздников выходной.

Действие происходило вокруг Обиженного Сундука. Штора на двери Смирновых стала кулисой. Рыжик заранее притаился за ней на своем любимом наблюдательном посту над вешалкой. Ему хотелось быть в курсе событий, оставаясь при этом незамеченным.

В просторной прихожей стояла наряженная елка – кот на днях уже повалил ее, вскарабкавшись до самой макушки. На стене висела самодельная гирлянда, и ажурные снежинки обрамляли нарисованный Колей плакат с Дедом Морозом в санях. Санки везла игрушечная лошадка в крупную белую крапинку. Перед санями бежал такой же игрушечный шенок. Он нес в зубах картонку с цифрами «1941». А сверху плаката была надпись: «С Новым годом!!! С новым счастьем!!!» Посмотреть спектакль пришли все соседи по квартире. Долго двигали стулья, пересаживались. Наконец устроились.

Из-за кулисы вышел Коля.

– «Карамболь»! Спектакль в двух действиях. Роли исполняют жильцы квартиры номер пять. Котенок – Сергей Татоев. Мама-кошка – Таня Смирнова. Крыса Бука – Майя Татоева. За автора читает Николай Богданович.

– «Карамболь»! Хотя, это я уже говорил... Итак, начинаем!

*В домике с окошком
И большой периной
Говорила кошка
Непоседе-сыну:*

*Будь хорошим, Кискин,
Мебель не царапай,
Ешь всегда из миски,
Умывайся лапой.*

К игре присоединилась Таня. Она вкрадчивым голосом мамы-кошки принялась наставлять Сергея Ивановича, который изображал котенка, и ласково грозила ему пальцем.

*Не пугай в потемках
Девочку Татьяну
Ты же не тигренок
Дикий из саванны!*

На Тане, Майе и Сергее Ивановиче были звериные маски с ушками. Дети сами вырезали их из картона и приклеили в них черные усики из полосок плотной бумаги. У Майи вдобавок болтался сзади длинный крысиный хвост – пояс от необъятного халата Мананы.

Наступил черед Сергея Ивановича играть свою роль, но оробевший мальчик замер, глядя в одну точку.

– Ну давай, ты же помнишь, – толкнула его сестра, выразительно тараща глаза. – Я хожу тихонько... Ну?

*Я хожу тихонько,
Очень... осторожно...*

– еле произнес он. С каждым словом его голос становился тише, но Майя подбадривала братика.

*Мам! – сказал котенок...
Погулять мне можно?*

Наконец-то были произнесены долгожданные строчки – скорее Майей, чем самим Сергеем Ивановичем, который лишь приоткрывал рот вслед за сестрой. Его котенок оказался совсем робким, без суфлера артисту не обойтись. Но ничего. Спасибо и на том, что он не убежал со сцены.

Вперед опять выступил Коля. У него недавно сломался голос, временами он звучал низко, как у взрослого парня:

*Но о странном звере
Мама не сказала,
Он сидит за дверью
Темного подвала.*

*Вид у зверя гордый.
«Что дрожишь с испугу?
С длинной хищной мордой
Не встречал ты Буку?»*

*С когтями, как вилки,
И с зубом, как ножик,
С кривою ухмылкой —
«Спасайся, кто может!»*

Майя, поджав руки и поводя по сторонам своим веснушчатым носом, изобразила коварную крысу:

*Я – сразу объявлю —
Строга, но не ко всем.
А кошек не люблю
В том смысле, что не ем.*

На этом месте смешливый дядя Саша громко расхохотался. Ему так понравились последние две строчки, что он повторил их, одобрительно кивая своей большой головой:

– А кошек не люблю, в том смысле, что не ем! Ха-ха-ха! Ну, загнули, ребята.

После Буки должен был говорить котенок, и действие опять замедлилось. Бедный маленький Сергей Иванович! Ему нелегко пришлось на сцене. А в зрительном зале Манана не находила себе места, переживая за внука.

– Не волнуйся, тебе сейчас помогут, – успокаивали мальчика взрослые, и Майя с Таней произносили роль за малыша. Все, что требовалось от внезапно онемевшего Сергея Ивановича, это лишь поддакивать и кивать головой.

*Котенок покивал:
«Простите, но, мур-мур,
Я вас бы не назвал
Огромной чересчур.*

*Можно ли проверить
Ваш рассказ о том,
Что опасны звери
с тоненьким хвостом?».*

*Испуга не тая,
Он выслушал ответ:
«Не веришь ты, что я
Большой авторитет?»*

*Умерь кошачью прыть —
Три дня твоим усам!
Ну ладно, так и быть,
Увидеть сможешь сам.*

Уфффф... Глубокий выдох...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.